

Нет автора

Русская старина

1907. 10_12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1907. 10_12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 829 с.

ISBN 978-5-458-02881-3

ISBN 978-5-458-02881-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

1907.

ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1907.

DK
1
.R57
v.132

813

Открыта подписка на историческій журналъ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1908 годъ.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, насколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—официальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, и матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разные эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго официального документа нарисуетъ бытовое характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусства; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивныя документы.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду измѣнившіяся условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала. Сохраняя своихъ прежнихъ, многочисленныхъ, сотрудниковъ, редакція получила согласіе на помѣщеніе въ журналъ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, И. Н. Вельяминова, К. А. Военскаго, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго П. А. Ефремова, Е. С. Каменскаго, Ю. С. Кауева, А. Ф. Кони, Н. О. Лернера, П. Д. Паренсова, С. Ф. Платонова, М. А. Поліевктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигерскаго А. И. Фаресова и др.

Въ 1908 году будутъ напечатаны: А. Ф. Кони—„Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“ и „Житейскія встрѣчи“. Г. К. Градовскаго—„Изъ минувшаго“, П. Д. Паренсова „Изъ прошлаго“, Воспоминанія—Д. В. Скалона, Записки генерала Домантовича, Война за независимость славянъ 1877—1878 гг.—П. Д. Зотова, А. Вѣломора—Изъ русско-японской войны, Записки основателя „Русской Старины“—М. И. Семевскаго, Тургенева, А. Ф. Петрушевскаго, Воспоминанія командира Варяга—В. Ф. Руднева, Переписка композитора А. И. Сѣрова, Воспоминанія—Веселовскаго, Леваковскаго, Никитина, Воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

И

Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество историческихъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появившихся въ западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наибольше замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду европейскою извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, при редакціи журнала „Русская Старина“ будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ печатается соч. Луи Блана—Исторія французской революціи 1789 года.

Первые три тома этого сочиненія уже вышли и разосланы подписчикамъ; послѣдующіе томы будутъ выходить по мѣрѣ ихъ отпечатанія и все это капитальное изданіе окончится не позже февраля мѣсяца будущаго года.

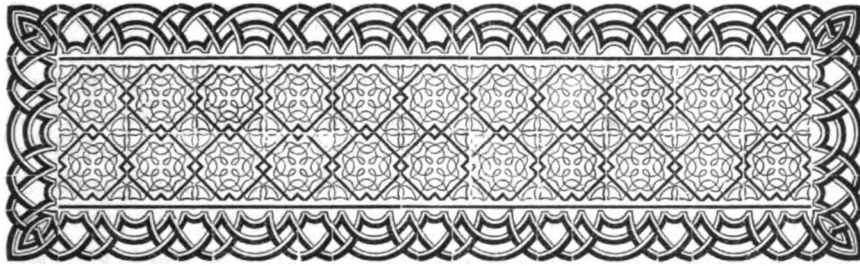
Цѣна тома 3 р., съ перес. 3 р. 50.

Для удобства редакція предлагаетъ желающимъ не высылать денегъ впередъ, а выписывать каждый томъ съ **наложеннымъ платежомъ**, при чемъ подписчики будутъ получать томы тотчасъ же по мѣрѣ выхода ихъ изъ печати.

Цѣна съ наложеннымъ платежомъ 3 р. 60 к.

Съ требованіями обращаться: 1) Въ главный складъ—Петербургъ, Фонтанка 145, кв. 3; и 2) Контора историческаго журнала „Русская Старина“, Фонтанка 18, кв. 4.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля¹⁾.

II.

Изъ прокурорской службы.

Не знаете ли вы чего-нибудь о причинахъ пожара этой огромной паровой мельницы на Обуховскомъ проспектѣ противъ станціи Варшавской дороги?—спросилъ меня министръ юстиціи графъ Паленъ, прибавивъ, что, проѣзжая наканунѣ вечеромъ мимо, онъ былъ пораженъ грандіозностью картины этого пожара.—Вѣроятно, я получу въ свое время полицейское извѣщеніе, если есть признаки поджога—отвѣчалъ я, и пріѣхавъ въ прокурорскую камеру (я былъ въ это время, т. е. въ 1874 году, прокуроромъ петербургскаго окружнаго суда), дѣйствительно, нашелъ коротенькое сообщеніе полиціи, но о томъ, что признаковъ поджога, вызвавшаго пожаръ мельницы *коммерціи совѣтника Овсянникова, не оказывается*. Меня смутила краткость этого заявленія, его ненужность по закону и его поспѣшная категоричность въ связи съ рассказомъ графа Палена. Я поручилъ моему покойному товарищу, энергичному А. А. Маркову, поѣхать на мѣсто и произвести личное дознаніе.

Поздно вечеромъ онъ привезъ мнѣ цѣлую тетрадь осмотровъ и разспросовъ на мѣстѣ, изъ которыхъ было до очевидности ясно, что здѣсь имѣлъ мѣсто поджогъ. Собранныя на другой день свѣдѣнія о договорныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между извѣстнымъ В. И. Кокоревымъ и С. Т. Овсянниковымъ по арендѣ мельницы, указывали

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1907 г.

и на то, что именно Овсянникову могъ быть выгоденъ пожаръ мельницы и что есть основанія сказать, „is fecit cui prodest“. Я предложилъ судебному слѣдователю Книриму начать слѣдствіе и немедленно произвести обыскъ у Овсянникова, а наблюденіе за слѣдствіемъ принялъ лично на себя. Овсянниковъ, не привыкшій имѣть дѣло съ новымъ судомъ и бывшій въ былые годы въ наилучшихъ отношеніяхъ съ мѣстной полиціей, при чемъ за нимъ числилось до 15 уголовныхъ дѣлъ, по которымъ онъ старымъ судомъ былъ только „оставляемъ въ подозрѣніи“,—не ожидалъ обыска и не припряталъ поэтому многихъ компрометирующихъ документовъ. Среди нихъ, между прочимъ, оказался именной списокъ нѣкоторымъ чинамъ главнаго и мѣстнаго интендантскихъ управленій съ показаніемъ ежемѣсячно платимой имъ mzды вліятельнымъ поставщикомъ муки военному вѣдомству. Я отослалъ эту бумагу военному министру Д. А. Милютину.

Высокій старикъ, съ густыми насупленными бровями и жесткимъ взоромъ сѣрыхъ пронизательныхъ глазъ, бодрый и крѣпкій, несмотря на свои 74 года, Овсянниковъ былъ пораженъ нашествіемъ судебного вѣдомства. Онъ былъ очень невѣжливъ, презрительно пожималъ плечами, возражалъ противъ осмотра каждаго изъ отдѣльныхъ помѣщеній, говоря: „ну, тутъ чего еще искать!“ и подъ предлогомъ, что въ комнатахъ холодно, надѣлъ какое-то фантастическое пальто военного образца на генеральской красной подкладкѣ. Но „der lange Friedrich“, какъ звали у насъ Книрима, невозмутимо дѣлалъ свое дѣло... Я подошелъ, между прочимъ, къ оригинальнымъ стариннымъ часамъ въ длинномъ деревянномъ футлярѣ въ родѣ узкаго шкапа. „Вотъ, изволите видѣть,—сказалъ Овсянниковъ, желая вѣроятно показать, что и онъ можетъ быть любезенъ и владѣть собою—вотъ это большая рѣдкость, это часы прошлаго вѣка. Такихъ, чай, немного.—Подошелъ и Книримъ.—А гдѣ ключъ?—спросилъ онъ.—Эй, малый!—крикнулъ Овсянниковъ,—подать ключъ!—Книримъ подозвалъ понятыхъ, отперъ дверь футляра и сталъ изслѣдовать его внутренность. Овсянниковъ не вытерпѣлъ, грозно сдвинулъ брови и, энергически плюнувъ, отошелъ отъ часовъ.

Вечеромъ въ тотъ же день въ камерѣ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ былъ произведенъ допросъ Овсянникова. Онъ отвѣчалъ неохотно, то мрачно, то насмѣшливо поглядывая на слѣдователя и очень недоброжелательно относясь въ своихъ показаніяхъ къ Кокореву. Въ концѣ допроса я отвелъ Книрима въ сторону и сказалъ ему, что нахожу необходимымъ *мнрою пресѣченія* избрать лишеніе свободы, такъ какъ иначе Овсянниковъ, при своихъ средствахъ и связяхъ, исказитъ весь свидѣтельскій матеріалъ.—И я нахожу нужнымъ то-

же,—отвѣчалъ Книримъ.—Надо, однако, дать старику нѣкоторыя удобства и если вы ничего не имѣете противъ Коломенской части, гдѣ есть большія и свѣтлыя одиночныя камеры, куда можно, съ разрѣшенія смотрителя, поставить свою мебель, то я распоряжусь объ этомъ немедленно.—Прекрасно,—сказалъ Книримъ,—а я напишу краткое постановленіе.—Господинъ Овсянниковъ,—сказалъ я, усаживаясь сбоку стола, на которомъ писалъ Книримъ,—не желаете ли вы послать кого-нибудь изъ служителей къ себѣ домой, чтобы прибыло лицо, пользующееся вашимъ довѣріемъ, для передачи ему тѣхъ изъ вашихъ распоряженій, которыя не могутъ быть отложены.—Это еще зачѣмъ?—спросилъ сурово Овсянниковъ.—Вы будете взяты подъ стражу и домой не вернетесь.—Что?—почти закричалъ онъ—подъ стражу! Я? Овсянниковъ?—и онъ вскочилъ съ своего мѣста.—Да вы шутить, что ли, изволите? Меня подъ стражу?! Степана Тарасовича Овсянникова? Первостатейнаго именитаго купца подъ стражу? Нѣтъ, господа, руки коротки! Овсянникова!! Двѣнадцать милліоновъ капитала! подъ стражу! нѣтъ, братцы, этого вамъ не видать!—Я вамъ повторяю свое предложеніе, а затѣмъ какъ хотите, только вы отсюда пойдете не домой,—сказалъ я.—Да что же это такое!—опять воскликнулъ онъ, ударяя кулакомъ по столу,—да что я, во снѣ это слышу? Да и какое право вы имѣете? такихъ правъ нѣтъ! Я буду жаловаться! вы у меня еще отвѣтите!—Его прервалъ Книримъ, который прочелъ краткое постановленіе о взятіи подъ стражу и предложилъ ему подписать. Тутъ онъ смирился и послалъ на извозчикѣ одного изъ сторожей за старшимъ сыномъ. Допросъ, между тѣмъ, продолжался, вслѣдствіе выраженнаго имъ желанія дать нѣкоторыя разъясненія. Съ прибывшимъ сыномъ онъ обошелся очень сурово и, когда тотъ, по моему приглашенію, хотѣлъ сѣсть, онъ такъ взглянулъ на него, что тотъ заколебался и сѣлъ лишь, когда отецъ крикнулъ ему:—ну садись, садись! я не встречаю.

На свой арестъ Овсянниковъ принесъ жалобы въ окружной судъ и затѣмъ въ судебную палату. Жалобы эти были написаны хотя и кратко, но искусно, умѣлою рукою. Оказалось, что ихъ писалъ извѣстный талантливый цивилистъ Боровиковскій, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ адвокатуру изъ товарищей прокурора петербургскаго окружного суда. За этотъ свой небольшой письменный трудъ,—такъ какъ по жалобамъ такого рода повѣренные не допускались къ личнымъ объясненіямъ,—Боровиковскій получилъ отъ Овсянникова пять тысячъ рублей. Извѣстіе объ этомъ произвело нѣкоторое волненіе въ петербургскомъ обществѣ, очень чутко относившемся ко всему, что касалось дѣла Овсянникова. Въ огромномъ гонорарѣ за небольшую работу многіе были склонны видѣть указа-

ніе на то, что „король Калашниковской биржи“ не остановится ни передъ какими жертвами для того, чтобы попытаться еще разъ остаться въ совершенно безвредномъ для него „подозрѣніи“. Нѣкоторые примѣняли къ повѣренному обвиняемаго стихи Некрасова: „Получивъ гонораръ неумѣренный—восклицалъ мой присяжный повѣренный:—передъ вами стоитъ гражданинъ—чище снѣга Альпійскихъ вершинъ“. Это доходило до Боровиковскаго и дѣйствовало на его впечатлительную натуру удручающимъ образомъ, такъ что онъ пришелъ, наконецъ, ко мнѣ—своему старому сослуживцу и бывшему начальнику—и заявилъ, что жалобы написаны имъ потому, что его убѣдили въ невинности Овсянникова, сдѣлавшагося жертвой общественнаго предубѣжденія, но что онъ готовъ возвратить деньги для избѣжанія дальнѣйшихъ упрековъ. Я сказалъ ему, что Овсянниковъ можетъ не взять денегъ обратно, не желая пользоваться его безвозмездными услугами, и что, кромѣ того, огласкою возвращенія этихъ денегъ назадъ, Боровиковскій броситъ лишній грузъ на чашу обвиненія во вредъ довѣрившемуся ему кліенту, такъ какъ это возвращеніе будетъ, безъ сомнѣнія, истолковано, какъ признаніе имъ, Боровиковскимъ, виновности послѣдняго. Поэтому лучше дождаться рѣшенія присяжныхъ и затѣмъ, подчинившись, ему пожертвовать такіа деньги на какое-либо доброе дѣло, если приговоръ состоится противъ Овсянникова. Взысканный Боровиковскій не безъ труда согласился послѣдовать этому совѣту. Въ день произнесенія обвинительнаго приговора объ Овсянниковѣ онъ прислалъ въ мое распоряженіе, для употребленія съ благотворительною цѣлью, 5.000 рублей, каковыя я немедленно препроводилъ ректору петербургскаго университета П. Г. Рѣдину для обращенія, по его усмотрѣнію, въ пользу нуждающихся студентовъ.

У Овсянникова нашлись и другіе заступники. Однимъ изъ нихъ была напечатана замѣтка, въ которой горячо доказывалось, что человекъ, жертвовавшій большія суммы на церкви и казенныя благотворительныя учрежденія, не могъ совершить корыстнаго преступленія, при чемъ приводился и самый списокъ такихъ пожертвованій въ довольно крупныхъ суммахъ. Указаніе на такіа жертвы нельзя было однако назвать удачнымъ. Овсянниковъ, какъ онъ самъ выразился на судѣ, шелъ „съ материнской колыбели“ къ широкому хлѣбному рынку, опираясь на крупные и выгодные интендантскіе подряды, и, наконецъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ могущественныхъ обладателей этого рынка, окруженнымъ лицемѣрнымъ преклоненіемъ менѣе крупныхъ поставщиковъ, среди которыхъ онъ привыкъ играть властительную роль, повелительно ставя свои условія.

Но съ начала семидесятыхъ годовъ многолѣтній подрядъ на поставку муки петербургскому военному округу сталъ неразрывно связываться съ обязанностью перемалывать хлѣбъ на паровой мельницѣ, которой Овсянниковъ былъ не собственникомъ, а только арендаторомъ, чувствующимъ себя въ косвенной зависимости отъ собственника мельницы Кокорева, имѣвшаго возможность отказать въ продолженіи аренды, т. е. лишить его долгосрочнаго контракта съ казною и тѣмъ поколебать вліятельное положеніе честолюбиваго и не знающаго „препятствій своему праву“ старика, на восьмомъ десяткѣ его жизни. Поэтому не корысть, а болѣе сложныя побужденія могли заставить его желать пожара мельницы предъ истеченіемъ срока контракта,—пожара, который обезсилилъ бы его недруга Кокорева и заставилъ бы военное вѣдомство отказаться отъ ненавистнаго условія о непремѣнномъ перемолѣ хлѣба на паровой мельницѣ. При томъ щедрія пожертвованія при надлежащей и услужливой огласкѣ не менѣе щедро оплачивались различнаго рода почетными наградами и публичнымъ возвеличеніемъ „маститаго благотворителя“. Не говоря уже объ имѣвшихся въ дѣлѣ свѣдѣніяхъ о суровомъ и черствомъ отношеніи Овсянникова къ тяжелому положенію простыхъ и незамѣтныхъ людей, находившихся отъ него въ трудовой зависимости, мнѣ пришлось случайно убѣдиться въ томъ, какъ мало трогало его горькое положеніе даже и такихъ людей, къ которымъ онъ относился, повидимому, доброжелательно.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ арестованія Овсянникова, моя старая служанка, которой было категорически запрещено ходатайствовать за кого-либо или докладывать мнѣ о какихъ-либо просителяхъ по дѣламъ („чтобы никакого *эхо* не было“, какъ она объясняла себѣ мое требованіе), послѣ большихъ предисловій о томъ, что Богъ меня наградить и что много несчастныхъ людей, стала меня просить все-таки выслушать на дому одну бѣдную дѣвушку, которая очень нуждается въ моемъ совѣтѣ, но въ судъ ко мнѣ идти не рѣшается, такъ какъ она „дѣвушка порядочная и скромная и никогда *по такимъ мѣстамъ не ходила*“. Нечего дѣлать, надо было уступить,—и ко мнѣ явилась очень болѣзненнаго вида дѣвушка, лѣтъ 20, немного цыганскаго типа, съ черными глазами и худенькими руками, одѣтая очень бѣдно. Она печально потупляла голову, голосъ ея по временамъ дрожалъ, а глаза наполнялись слезами, которыя она какъ-то трогательно и конфузливо собирала пальцами и стрихивала на полъ. „Мы живемъ съ маменькой „честно-благородно“ и занимаемся по швейной части. Намъ, давно зная нашу бѣдность, помогалъ и иногда заѣзжалъ къ намъ одинъ купецъ;—былъ къ намъ добръ и ласковъ, облегчалъ въ нуждѣ мамашу и меня;—мы его по-

читали какъ отца родного и онъ обѣщаль насъ не оставлять своей помощью. Теперь же мы очень бѣдствуемъ: приходится жить штучной работой для рынка, а много ли такъ наработаешь?! Да и здоровье мое стало слабое, а о маменькѣ и говорить нечего. Мы узнали, что купецъ этотъ—Степанъ Тарасовичъ Овсянниковъ—находится въ заточеніи. Такъ это намъ прискорбно, что и сказать нельзя, а пойти къ нему или написать не смѣемъ: сказываютъ, начальство не допустить. Богъ дастъ, соберемся съ силами и работу постоянную найдемъ, такъ и поправимся, а теперь очень трудно. Опять же и лѣкарства для маменьки! А какъ сообщить о нашемъ положеніи Степану Тарасовичу—не знаемъ: какъ бы его не прогнѣвать въ несчастіи. Можетъ, у васъ есть кто знакомый изъ начальства... Окажите Божескую милость: научите что дѣлать?!...“ Ея слезы и неподдѣльное участіе къ судьбѣ „благодѣтеля“ очень тронули меня, и я, предложивъ ей написать Овсянникову письмо съ объясненіемъ своего грустнаго матеріальнаго положенія, обѣщаль это письмо не только передать ему, но и попросить его отвѣта. Она ушла нѣсколько успокоенная, а на слѣдующій день прислала мнѣ письмо на имя „батюшки Степана Тарасыча“, написанное довольно связно и начинавшееся такъ: „Освѣдомилась я, что вы, благодѣтель нашъ, попали въ руки злодѣевъ и т. д.“ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы расплывались отъ пролитыхъ надъ письмомъ слезъ. Оно кончалось словами: „день и ночь молюсь за васъ и цѣлую, припадаючи, ручки“. Одинъ изъ „злодѣевъ“—въ моемъ лицѣ—передалъ письмо товарищу прокурора Вильямсону, завѣдывавшему арестантскими помѣщеніями, съ просьбой вручить его Овсянникову и спросить, не будетъ ли какого-либо отвѣта. Дня черезъ два Вильямсонъ разсказалъ мнѣ, что когда, пріѣхавъ въ Коломенскую часть, онъ заявилъ Овсянникову, что прокуроръ передалъ ему письмо на его имя съ просьбою дать отвѣтъ,—Овсянниковъ чрезвычайно оживился, встрепенулся и быстро спросилъ:—какое? какое письмо? отъ самого прокурора?—Повидимому, онъ вообразилъ себѣ, что старые судебные порядки снова для него оживаютъ, хотя и въ новыхъ обличьяхъ. Онъ почти вырвалъ у Вильямсона письмо изъ рукъ и, пытливо на него поглядывая, отошелъ къ окну и сталъ читать. Затѣмъ насутился и началъ большими тяжелыми шагами ходить по комнатѣ. — Вы знаете это семейство? — спросилъ Вильямсонъ. Овсянниковъ посмотрѣлъ на вопрошающаго и затѣмъ недовольнымъ голосомъ сказалъ: — коли пишутъ, значитъ, знавалъ! — Что же можетъ сказать прокуроръ писавшей? — Овсянниковъ молча подошелъ къ топившемуся камину, разорвалъ письмо на четыре части, бросилъ его въ огонь и, когда оно запылало, почти крик-

нулъ: — мнѣ теперь не до того! вотъ мой отвѣтъ: пушай горить!

По слѣдствію и на судѣ обнаружилось, что фактическимъ поджигателемъ былъ приказчикъ Левтѣевъ, исполнившій при содѣйствіи сторожа Рудометова, завѣдомо для хозяина, неоднократно выраженное послѣднимъ желаніе, чтобы мельница сгорѣла. Когда я предполагалъ быть обвинителемъ по этому громкому и трудному дѣлу, я жалѣлъ, что не могу рассказать присяжнымъ про слова обвиняемаго въ камерѣ Коломенской части. Это „пушай горить“ лучше всякихъ сложныхъ соображеній нарисовало бы передъ присяжными движущіе мотивы того, въ чемъ обвинялся Овсянниковъ. Уже если на такую просьбу злополучной нищеты, человекъ, располагавшій милліонами, могъ сказать „пушай горить“, то насколько понятнѣе и возможнѣе было сказать то же самое для того, чтобы отдѣлаться отъ ненавистной мельницы и въ то же время насолить врагу. Но, вслѣдствіе назначенія меня вице-директоромъ департамента министерства юстиціи, мнѣ не пришлось быть обвинителемъ. Меня замѣнилъ талантливый и тонкій судебный ораторъ В. И. Жуковскій, внесшій въ свою рѣчь свойственный ему глубокой и неотразимый сарказмъ, такъ соотвѣтствовавшій его наружности, въ которой было что-то мефистофельское. Гражданскими истцами въ судебномъ засѣданіи явились—Кокоревъ отъ своего собственного лица и Спасовичъ отъ лица страховыхъ обществъ. Первый сказалъ скрипучимъ голосомъ чрезвычайно обстоятельную и умную рѣчь съ убѣдительнымъ разборомъ мотивовъ дѣянія Овсянникова, а второй со своимъ угловатымъ жестомъ и какъ бы непокорнымъ словомъ, всегда заключавшимъ въ себѣ глубокой смыслъ, превзошелъ—какъ принято говорить—самого себѣ въ разборѣ и сопоставленіи уликъ и въ оцѣнкѣ экспертизы, произведенной надъ обширною моделью мельницы, принесенной въ залу суда. Особенное впечатлѣніе произвела нарисованная имъ картина „извивающагося, какъ драконъ“ изъ одного отдѣленія мельницы въ другое огня, сразу показавшагося въ трехъ мѣстахъ, при чемъ его изгибы незамѣтны со стороны. Не менѣе удачна была характеристика подряднаго дѣла съ казной, исполненнаго риска. Казна сбиваетъ цѣны, подрядчики отчаянно, рискуя сдѣлаться несостоятельными, конкурируютъ между собою и „съ самаго низу отъ послѣдняго канцеляриста протягиваются руки, которыя чувствуютъ пустоту и которыя надо занять“. Поэтому лишь податливый, привычный и знающій подрядчикъ сумѣетъ установить и наладить „известную среднюю недобросовѣстность“, при чемъ „чиновники допускаютъ товаръ не совсѣмъ еще негодный, а подрядчикъ старается, чтобъ товаръ не былъ уже совсѣмъ плохъ“.